

О. М. Косюк (Луцк, Украина)

ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ КОНСТАТАЦИИ ФАКТА В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУССИИ АГАТАНГЕЛА КРЫМСКОГО И ЛЕСИ УКРАИНКИ)

"Все знают, что Леся Украинка – один из лучших наших поэтов. А что наиболее бросается в глаза каждому читателю, так это оригинальность и нешаблонность ее поэтических тем. – Писал Агатангел Крымский в публикации "Этимологические и филологические ложки дегтя в бочках меда", которая была ответом на опубликованную в 1906 году в месячнике "Свободная Украина" поэму Леси Украинки "Одно слово". – И вот теперь, недавно, Леся Украинка поместила поэму – опять-таки на оригинальную тему (по сюжету произведения политический ссыльный из Украины попадает в Сибирь и погибает там с тоски по воле, на определение которой, как оказалось, в якутском языке нет слов – О. К.). Тема – хорошая. – Отмечает А. Крымский. – Окончание эффектное. Но, увы, именно то, что делает эту поэму особенно красивой, является фактической неправдой". Говоря в общем, нет в мире такого языка, чтобы в нем не было слов воля, свободный, освободить. А особо – и о якутском языке надо сказать то же, ибо воля и свободный будет по-якутски босха..."[3, с. 200-201].

Очевидно, в ответ на замечание авторитетного лингвиста, выпуская в 1908 году свою поэму отдельной книгой, Леся Украинка заменила слово "якут" на "туземец". Хотя (интересный факт – О. К.) еще за пять лет до публикации (15 декабря 1903г.) в письме к А. Крымскому она писала: "Если будете мне отвечать, то не забудьте, по милости Вашей, посмотреть по книгам, есть ли в якутском языке слово "воля" (liberte), я об этом Вас когда-то уже спрашивала, – это интересует меня и сейчас [9, с. 94-95]. Письмо, видимо, к респонденту вовремя не дошло (хотя, опять же – из контекста эпистолярного наследия – понятно, что оно было не единственным). В чем проблема – выяснить трудно. Но попозже А. Крымский отметил: "Леся бы вдвойне жалела, что в свое время не посоветовалась со мной о своей поэме", – рассуждал позже Агатангел Крымский в одной из посвященных памяти Ларисы Косач (Косач – настоящая фамилия Леси Украинки) публикаций [4, с. 690]. Случай с поэмой "Одно слово", повторяю, был единственным исключением из всей литературной работы Леси Украинки. Пусть он еще сильнее подчеркнет ее несравненное отношение к своему труду! [...] К каждому слову она была требовательна так, как мало кто из писателей "[...]. "Без преувеличения могу сказать, что Леся Украинка была настоящим ученым, исследователем" [4, с. 689].

Если А. Крымский (известный профессор-востоковед) считал, что быть ученым-исследователем – свидетельство высочайшего статуса творца, то Леся Украинка "оценивала" творчество по другой "шкале ценностей".

Например, первая ее непосредственная реакция на лирику Агатангела Крымского (зафиксированная мимоходом в письме к М. Драгоманову), свидетельствует о том, что в стихах интересного начинающего поэта она видела приметы так называемой "профессорской лирики": "Мне сердечно жаль, – писала Леся Украинка, – молоденького поэта Крымского: ведь из него, может, могли бы и люди выйти, а теперь ... "зануда" сама осталась "[8, с. 130]. Однако лучшего, нежели Крымский, историка и лингвиста она не знала, и тоже неоднократно акцентировала на этом в письмах и публикациях, из которых мы узнаем, что ученый и лирик в ее понимании как бы принадлежали к разным мирам [9, с. 397]. Лично себя Леся Украинка ученым никогда не считала: "[...] вот Вам трагикомическая черточка, – писала она А. Крымскому, – мировые темы беру, а АБЦ не знаю [...] Вот Вы, наверное, все это знаете, а я необразованная! Наконец, это и не удивительно – я самоучка, а Вы профессор..."[9, с. 397].

Размышляя над цитируемым и другими фрагментами дискуссионных "конфликтов" в разных ситуациях общения Ларисы Косач и Агатангела Крымского, мы подумали: если ученые и литераторы (как считала Леся Украинка) по-своему воспринимают и интерпретируют действительность, то, возможно, и "фактическая неправда" в их представлениях, а также – научных и художественных текстах – явление не совсем тождественное? Доподлинно известно, что в научной интерпретации "факт" (от лат. *faktum* – сделано) означает "то, что произошло": что-то реальное, оппозиционное нафантазированному. Границы, отделяющие факты от того, что ими не является, обычно выстраивают, отвечая на вопрос: "что произошло?", "где?", "когда?". Словом "факт" называют события и информацию о событиях. Факты событийного уровня не нуждаются в доказательствах (существуют по принципу: есть или нет). Что же касается информационных фактов, то они обязательно должны подтверждаться, иначе информация не отражает, а искажает действительность. Поэтому, в научной трактовке, факты делают предположение истинным или ложным. "Суждения и мнения истинны, если они соответствуют фактам", – утверждают ученые [5, с. 27]. "Факты ничего не значат, когда подаются бессистемно, но могут означать и очень многое, даже иметь решающее значение, если будут рассматриваться в связи с другими логическими законами, теоретическими положениями, существующей уже системой знаний", – констатировал известный английский ученый Б. Рассел [6, с. 177].

Способ художественной интерпретации действительности не похож на научный. Его выводы не тождественны результатам, которые дает наука: ученый доказывает положение на основании фактов и цифр – в основе художественного образа-факта тоже лежит действительность, но, несмотря на это, ее образы и картины не являются простым отображением, они включают в себя обобщения создателя образной действительности, воспроизводят его личное понимание и трактовку закономерностей связи между фактами и явлениями. Короче говоря, художественный образ-факт

имеет очень опосредованное отношение к реальности, он представляет особую форму ее отображения.

Итак, ученый мыслит понятиями, художник – образами. Значит наука и искусство имеют не одинаковую специфику и предусматривают достижение совершенно разных целей. Главная задача науки – подавать точные сведения, цель искусства – действовать на воображение, возбуждать чувства. Для ученого отступление от факта означает фальсификацию. Писатель, художник и другие служители муз могут свободно "искажать" факты, как это делали, например, Суриков ("Утро стрелецкой казни") или Булгаков ("Мастер и Маргарита"). Иногда, отступив от «голых» фактов, художники "конкретнее" выражают сущность рядовых или даже эпохальных событий. "Мелочные возмущаются при виде зеленого неба, синих деревьев, картин, на которых ничего не нарисовано, рисунков, подобных на детские. Но для мастера, который, против анатомических и биологических законов, рисует чудовищ, это и означает творить вселенную и людей такими, какие они есть", – рассуждал в свое время В. Домонтович [2, с. 108].

Готовясь писать поэму "Одно слово", Леся Украинка недвусмысленно дала понять А. Крымскому (это констатирует их переписка), что стремится быть фактически точной – в прямом непосредственном (чисто научном – О. К.) понимании этого слова. И ее представление о факте – как далеко не образном понятии – вовсе не отличается от общепринятого традиционно понимания "физически существующего, которому присваивается имя "реальность" [5]. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что сознание писательницы зафиксировало объективную (с ее точки зрения) действительность и подало ее в конструкциях, которые приобрели фактическую форму. Однако на самом деле речь шла о нафантазированном, зафиксированном творческим воображением. Воспринятое фактически, неожиданно оказалось иллюзорным. Как результат – имеющийся в поэме вербальный конфликт потерял свое реальное основание. А рiогi очевидно, что природа факта в этом случае не изменилась. Состоялась демонстрация фальстарта сознания от неполноты знаний, и оказалось: то, что идентифицирует реальность, в действительности ее не фиксирует, а конструирует. В процессе фальстартов и метаморфоз "ошибочно" задействованный "факт" превратился в явление качественно иного порядка.

“У їхній стороні й зимою сонце. – Рассказывает туземец. / – І щось таке росте, що в нас нема, / І різне єсть таке, що ми не знаєм. / Він нам хотів про все те розказати, / але у нас те все ніяк не зветься – / казав “чужий”... [7, с. 79]”.

Все то, что "никак не называется", можно понимать двойственно: а) конечно, "никак не называется" то, чего действительно нет (рациональный взгляд); б) не имеют конкретного названия также явления полисемантические, которые обладают возможностями использования

поверхностных (видимых) и глубинных (скрытых) значений (преимущественно это явления образности, метафоричности, ведь метафора, с точки зрения научной логики, – категориальная ошибка, которая относит предмет речи к классу, к которому он действительно не принадлежит, освещает скрытые парадоксы и вводит в амбивалентность, то есть – логическую противоречивость.

Культурная детерминированность кодов различения проявляется, например, когда мы сравниваем конвенции разграничения в неродственных культурах, в которых осязаемым вариациям подлежит все, даже классификация по цвету (хотя то, что совпадает с физическим световым спектром, обычно осознается как непоколебимое. Учеными доказано, что представители африканских племен не различают зеленый и голубой цвета, считая их одной "краской молодых листьев", эскимосы используют целую классификационную серию только для названий оттенков снега, ведь в измерениях их опыта представления о снеге вписаны в другую символическую сетку, которая является сложнее и глубже, чем у других народов, например, – обитателей тропических лесов (у тропианов такая сетка, очевидно, вообще отсутствует; но зато имеются развернутые представления о желто-зеленой гамме. Мы ведем к тому, что на определение свободы в якутской речи могли быть разные слова, но ни одно из них не имело (элементарно – не могло иметь – О. К.) "наполнения", присущего другим (прежде всего – высокоразвитым языкам "цивилизованных" народов), потому что понимание значений – это прежде всего – обретение смыслов, которые наполняются знаниями и умственными операциями носителей языка (ничего утешительного о функционировании этих кодирующих частей-структур у северных аборигенов мы до сих пор (даже в наше время – О. К.) сказать не можем).

Поэма организована по системе стереотипных образов и представлений. Все – даже лексика и манера повествования – подчинены в ней ритму наивности, детскости, мифологических символов жителей Севера, пребывающих в области почти первобытных отношений. Туземцы эмоциональные, интуитивные, инстинктивные, они не способны к аналитическому мышлению (не имеют на это достаточного систематического образования). Вся производительность их правополушарного мозга направлена на дела обыденные, эмпирические. Можно сказать, что это общество практически (и не плохо – О. К.) мыслящих, но не очень умных людей (в том смысле, что разум – это не здравый смысл банальных истин). По сюжету поэмы перед нами предстает сообщество, которое руководствуется законами сакральных прозрений, общих чувств и т.д. Оно мыслит/говорит/чувствует, но объяснить, то, что имеет в виду, не может (тем более в развернуто-теоретической форме). Однако эти носители здравого смысла имели неплохую жизненную хватку, которой какраз не дано было слишком "цивилизованному" главному герою. Ссылкой не воспринял

этого общества практической мудрости эмпирического существования и – погиб, запутавшись в "паутине" чужого враждебного мира.

Следовательно, стержневую проблему – недоразумение – можно (на наш взгляд, даже и нужно) воспринимать прежде всего как проблему семиотическую («объект, являющийся определенного рода вещью для определенного рода организма может быть вполне иного рода вещью для другого рода организма», – утверждают теоретики знаковых систем [1, с. 19])), которая показывает конфликт явления и сущности на основании представлений. К одному из самых рельефных образцов семиотического восприятия можно отнести глубину трактовки персонажами поэмы фундаментальных абстрактных понятий, представление о которых туземцы и ссыльный приобретают в ограниченном и частичном аспекте собственной окружающей среды, которая формируется из выборочных "фактов", взятых из объектов их опыта. Названную «внешнюю среду» семиотики называют *umwelt* (видомиром) – доступной конкретным чувствам "реальностью". В измерении *umwelt* различия между объектами и ощущениями первично обусловлены совокупностью отношений, которые приобретаются между тем, что фактически присутствует, и тем, что принадлежит к когнитивной конституции человека, который воспринимает информацию, ведь это он действует и чувствует. По мнению теоретиков знаковых систем, среди элементов-«раздражителей» тот, кто воспринимает информацию, как правило, сам выбирает то, что ему нужно, и «плетёт сеть последовательных отношений». Исследуемый текст позволяет утверждать, что оппонирующее персонажи повинуются законам среды, в которой они "живут", находясь в плену разного *umwelt*. Наведём пример. "Бачите, для мене / Найкраще те, як можна скрізь ходити / І все робити, от цього й немає". / Ми засміялись: видумав "чужий"! / Він скрізь ходив, куди і ми ходили, / Хіба що сам не хтів.../ а він махнув рукою: "Що казать вам!" / Не знаєте! Куди я тут піду?" [7, с. 82].

Вне всякого сомнения, у героев поэмы разное ощущение пространства. Они вкладывают не одинаковый смысл в слова "ходить", "делать", "быть свободным". Одно и то же слово у них сигнифицирует нетождественные явления (*verba tene, res sequuntur*, – справедливо рассуждал Гораций, "объект, являющийся определенного рода вещью для определенного рода организма, может быть вполне иного рода вещью для другого рода организма", – утверждают теоретики знаковых систем [1, с. 19]). Такая несоизмеримость восприятия вполне понятна: изображенные в поэме народы находятся на противоположных витках цивилизации (абстрактной вербальной коммуникации и – "наскальных" рисунков). Абстрактная коммуникация "надстраивается" над конкретной, задавая ключевому конфликту недоразумение и амбивалентность. Как семиотический концепт определения туземцев имеют открытый ассоциативной интенции характер, который отчуждает от орудийной практичности. Сигнификативно-моделирующие

формы обыденного сознания туземцев не согласуются с эмпиричностью сознания Великого Человека с Большой Земли. Они гарантируют лишь моделирование событий как образцов поведения, приобретают значение "отстоявшейся" парадигмы практичности, в контексте которой "думать" – означает "подражать", презентовать устоявшиеся образы действий. Такое мышление – знаково-моделирующая система здравого смысла обыденного сознания. Туземцы рассуждают: “У нас казали, що, може, він дурний, того і добрий./ [...] Ми питали, чи він розумний, і чи в нього дома усі такі. То він сміявся тільки, / нічого не казав, на вмів казати, а, може не хотів. Він потім знав / багато говорити і пісень навчився наших [...] / А пастки ставити і невід зтягати / не вмів і не навчився, хоч і хтів” [7, с. 79].

Анализируя поэму, мы пришли к мысли: то, что традиционно "считывалось" в ней как естественное (само собой разумеющееся – О. К.), в действительности обусловлено процессами кодирования-декодирования, которые коренятся в механизме восприятия, детерминируются культурой и традицией. Коды ключевой лексемы "воля" слабые и неустойчивые, ограниченные конвенциями восприятия в измерении разновекторных сообществ. Итак, концепт "воля" в поэме Леси Украинки – знак отдельных реалий, которые являются для туземцев и ссыльного чем-то совершенно разным. Поэтому, по нашему глубокому убеждению, даже если бы Леся Украинка не заменила, отреагировав на замечание А. Крымского, слово "якут" на "туземец", с точки зрения семиотики – ее все равно нельзя было бы обвинить в искажении факта.

"Миры" Агатангела Крымского и Леси Украинки, очевидно, тоже были "чем-то совершенно разным". Для А. Крымского факты – явления натуралистично неизбежные. На наш взгляд, от такой "неизбежности" страдал нереализованный Крымский-литератор в Крымском-ученом. Прежде всего при написании нашумевшего, и до сих пор должным образом не оцененного, романа "Андрей Лаговский", после прочтения которого, Леся Украинка заметила: "А относительно того практического совета, которого вы просили у меня (Крымский дал ей прочитать и проанализировать не отданный еще в печать текст – О. К.), то я Вам вот что скажу: таки не мешало бы несколько карточек вырезать из Вашего романа. Вы сами знаете, какие. Не все же "читатели" такие "обстрелянные птицы" в литературе различной школы, как я, может, другим и книга выпадет из рук, а это будет жаль ... [9, с. 150].

А. Крымский фиксировал факты, Л. Украинка "принимала" их в *umwelt*. В письме к Агатангелу Крымскому от 15 декабря 1903 она писала: "... В тот же день, как я получила Вашу книгу о семитизме (спасибо за нее), я получила и первую весть о том, что у меня уже один только брат остался на свете. Я не могла никому писать без того, чтобы не вспомнить об этом, а между тем до сих пор у меня есть мания, царившая надо мной с тех пор: мне

все кажется, что когда я пишу об этом и называю факт его именем, то я, собственно, делаю его фактом, перевожу его в действительность с такой страшной, но всего лишь только иллюзорной абстракции-фикции. Вы меня понимаете? Я думаю – нет. Ведь я сама знаю, что нормальной мыслью этого понять нельзя. Лучше не будем говорить об этом [9, с. 93].

За непоколебимым "не будем говорить об этом" в жизни и творчестве Леси Украинки и Агатангела Крымского и в ситуациях их общения осталось много загадочного. Самым загадочным, пожалуй, является то, что среди богатейшего эпистолярного наследия А. Крымского не оказалось писем Леси Украинки. Почему? Утрачены? Уничтожены? (Кто это сделал? Зачем? ...). Ни на один из поставленных вопросов мы не способны ответить. Остаются домыслы, предположения, фантазии... Эрзацы фактов? Неоспоримым является лишь то, что во время доминирования рациональных принципов, когда литературный факт преимущественно мыслился как единица "прикрепленная" к действительности, а "объективность" требовала "устранения" акцентов на феноменологию восприятия, Лариса Косач (сознательно или бессознательно?) "играла своими текстами (и не только художественными – О. К.) в парадоксальную семиотическую игру. Как исход – имеем сочинения, которые являются моделью Алефа (по Борхесу). Эти тексты таят в себе многоаспектную открытую знаковость, которая не дает прямого выхода ни на реальность, ни на мнение автора.

Список литературы

1. Ділі Дж. Основи семіотики / Дж. Ділі. – Львів: Арсенал, 2000. – 232 с.
2. Домонтович В. Доктор Серафікус / В. Домонтович. – К.: Критика. – 1999. – 380 с.
3. Кримський А. Ю. Етнологічні й філологічні ложки дьогтю в бочках меду // Кримський А. Ю. Збір. тв.: У 5-ти т. – К.: Наук. Думка, 1973. – Т.3. – С. 200–207.
4. Кримський А. Ю. Із спогадів щирого друга // Кримський А. Ю. Збір. тв. : У 5 – ти т. – К. : Наук. Думка, 1973. – Т.2. – 513 с.
5. Поппер К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. – М.: Прогресс, 1983. – 398 с.
6. Рассел Б. Человеческое познание / Б. Рассел. – М.: Политиздат, 1957. – 236 с.
7. Українка Леся Одно слово // Українка Леся. Збір. тв.: У 12-ти т. – К. : Наук. думка, 1977. – Т.2. – С. 78–84
8. Українка Леся Листи // Українка Леся. Збір. тв.: У 12 -ти т. – К. : Наук. думка, 1977. – Т.10. – 542 с.
9. Українка Леся Листи // Українка Леся. Збір. тв.: У 12-ти т. – К. : Наук. думка, 1977. – Т.12. – 693 с.